



Е. И. БОРАТЫНСКАЯ

<Из воспоминаний о Вл. Соловьеве>

<...> Познакомился Соловьев с гр. Ф. Л. Соллогубом¹, вероятно, через Фета, но возможны и другие пути. Так и представляются мне, словно живые, Федя и его жена Наталья Михайловна в их московском доме близ Ордынки, наверху. Около них — Соловьев, но он центральная фигура. Относится это к весне 1874 г., когда Соллогубы были молодоженами, да и сама я переживала первые годы брачной жизни. Соловьев был очень дружен с Федей, но и Наталья Михайловна ему нравилась. Увлечение его граф. Н. М. Соллогуб принадлежит к ранней поре его жизни, оно было заметно уже в 1874 г. Будучи влюбленной в своего мужа женой, Н. М. была окружена платоническими обожателями. Соловьев писал стихи для нее, охотно философствовал с ней, читал ей свои сочинения, спорил с ней. Ум граф. Н. М. Соллогуб был ум мужской; вообще, это была умная, образованная и начитанная женщина — эрудиция невероятная, лингвист отчаянный, философ поглотила. При этом идеально красива. Характер красоты — высокий: чудный широкий благородный лоб, золотистые волосы, коса — золотая змея до полу; огромные серые глаза. Граф. Н. М. Соллогуб и сама писала стихи, которыми восхищался Фет². Мне она приходилась троюродной тетушкой. У ее отца — Михаила Львовича, барона Боде-Кюлычева, была еще дочь Мария Михайловна, по мужу Сухотина; потом ее муж женился на граф. Татьяне Львовне Толстой. Соловьев опьянялся красотой. В Рождествине, имении Соллогубов, интересный дом, интересная усадьба. <...> Припоминаю чудные вечера в Рождествине. Федя предпочитал сидеть на полу, в темноте; свет получался из соседней комнаты. Рассказывали много страшных и таинственных историй. Между прочим, Соловьев, со слов А. О. Смирновой-Россет³, передавал про один удивительный случай. Дело происходило в Англии. Некий художник, мистер Хэффи — так,

кажется, его звали, — был приглашен в какой-то город отремонтировать или реставрировать собор. Ноябрьский день. В купе вагона, в котором едет художник, входит женщина с опущенным вуалем. Затем вуаль был ею отброшен, и художник убедился, что перед ним женщина дивной красоты. На одной из станций женщина эта покинула купе, исчезла. Когда художник приехал в город, его встретил слуга некоего графа с письмом от сего последнего, приглашающим художника посетить графа в его замке. Мистер Хэффи взял отпуск на несколько дней и направился в замок. Здесь к нему вышел навстречу старый лорд. Началась любезная беседа. Предложен был, как водится, и завтрак. У другого конца стола пустой стул. Вдруг входит дама, которую художник видел в купе. Потом управляющий замком сообщил художнику, что у лорда несколько времени тому назад, довольно давно уже, умерла дочь-красавица. Смерть эта очень потрясла отца, и он стал не совсем нормальным. Врачи говорили, что если бы эту 13–15-летнюю девочку можно было бы воссоздать на полотне взрослой девушкой, то это повлияло бы благотворно на безутешного старика. Художнику передаются различные материалы, относящиеся до этой рано умершей девочки, и он получает заказ написать как бы ее портрет в более зрелом возрасте. В Лондоне, куда впоследствии возвращается художник, он пытается по этюдам и наброскам осуществить этот план. Время подходит к Рождеству. Художник в своей мастерской. Слуга его куда-то ушел. Мистер Хэффи располагается у мольберта, задумывается. Внезапно отворяется дверь и входит дама. Она скидывает плащ, на ней белое платье с цветком. Дама говорит художнику: «Пишите скорее, кончайте портрет; я для него пришла». Художник принимается за работу, пишет со страстным нетерпением. На другой стороне полотна дама делает надпись: «Моему дорогому отцу от любящей его дочери, чтобы он был здоров и не тосковал», — или что-то в этом роде. При этом она бросает розу, которая была пристегнута к ее платью. В 12 часов ночи видение скрывается — дамы в мастерской нет, но роза тут. Были и другие подобные же рассказы Соловьева, — в последующие годы. Так, в Пустыньке, где он гостил у граф. С. А. Толстой, вдовы гр. А. К. Толстого, с ним произошел такой случай. Комната, которую он занимал, — последняя в коридоре. Вел он образ жизни своеобразный: от 12 часов ночи до 6 часов утра занимался, потом спал. Однажды утром ему послышалось, что скрипнула дверь его комнаты, и из-за выступа стены появилась какая-то черная фигура. Думая, что по ошибке к нему вошла гр. Софья Андреевна Толстая, Соловьев окликнул ее: «Софья Андреевна, это ведь моя комната». Соло-

вьев был еще в постели. Ответных слов не было. ему стало жутко. Он чуял за собою, у изголовья, человеческое дыхание. Затем он видит, что на полу сидит большая собака. Собака эта исчезает, а он испытывает при этом сильный удар в грудь. Расспрашивая прислугу, не входил ли кто-нибудь в его комнату, Соловьев узнает, что в этот день по комнатам дома бродит старая графиня-покойница, мать гр. А. К. Толстого. Соловьев, чтобы не смущать окружающих, ничего не рассказал тогда же о своем утреннем приключении. К вечеру, при закате солнца, дети, жившие при граф. С. А. Толстой — потомство С. П. Хитрово, — стали звать взрослых в сад, чтобы полюбоваться закатом. И вдруг видят внизу, в глубине сада, два черных женских силуэта. Женщин этих различают не только дети, но и взрослые. По бревнышку они переходят через реку. Откуда же взялись эти особы? Прохода тут нет — овраг. Стали искать, но никого не нашли, а на месте, где обнаружили было присутствие двух дам, оказался провал. Что-то вроде массовой галлюцинации. Рассказ этот известен и Л. М. Лопатину, и Н. В. Давыдову. Одна из любимых тем в повествованиях Соловьева — раздвоение личности. Жизнь Соловьева складывалась вообще несколько ненормально. Мне думается, что в ненормальном складе его холостой жизни одна из причин его болезненности. Во время какого-то разговора граф. Н. М. Соллогуб написала мне на клочке бумаги, намекая на Соловьева: «*Mysticisme et sensualité — deux fruits d'un même pommier*»⁴.

Гр. Ф. Л. Соллогуб и граф. Н. М. Соллогуб евреев не любили. Соловьев и я — мы защищали их. Чтобы поддразнить меня, Федя рисовал карикатуры на евреев и писал на них шуточные стихи. Дети Соллогубов предполагали издать два тома стихотворений — стихи отца и стихи матери. Собирались также опубликовать и рисунки отца. Теперь все это трудноосуществимо. Мы с мужем и супруги Соллогубы составляли «квартет». Когда Соловьев возвратился из Киева в Москву, одна чета поселилась на одной Никитской, а другая — на другой: Соллогубы на Большой, а мы на Малой. Соловьев являлся как бы соединительным звеном. Не будучи охотником, Федя любил спорт. Но он был и замечательным фокусником — мог соперничать со специалистами-фокусниками; радовался, когда удавалось обмануть их. Вообще, у него было много чудачеств, которые забавляли и Соловьева. <...> Натура богатая, но бестолочь чисто славянская... Вот еще кое-какие мелочи. Раз, в день рождения Феде, на праздничном обеде, были Соловьев и я. Соловьев предлагает на французском языке тост в честь виновника торжества, причем, обращаясь к матери Феде, называет его «*fils distingué*»⁵. Ф. Л. подхватывает: «*Fils*

distingué dans un autre genre»⁶, т. е. по части чинов, орденов и т. д. Или: «Le latin crée», — говорит как-то Н. М. Соллогуб. — «Et le germain pullule»⁷, — немедленно продолжает Ф. Л. Соллогуб. А Соловьев хохочет... После смерти Владимира Сергеевича граф. Н. М. Соллогуб написала прекрасное письмо кн. С. Н. Трубецкому. Она выразила радость, что он дал у себя приют (abri) такой чистой душе, как Соловьев». Тут уже не было со стороны Наталии Михайловны никакой юной мечтательности. <...>

К бабушке, Аделаиде Климентьевне⁸, проживавшей в Петербурге, я попала десяти лет. <...> Бабушка А. К. Тимирязева была чудная женщина, очень религиозная. На ее долю выпало много тяжелых горестей — смерть близких людей и т. п. У нее началось какое-то нервное перерождение, стала прогрессивно утрачиваться память. Дожила старушка, однако, до 80 лет. В последний раз, когда я ее видела, это был уже как бы не человек, а что-то страшное: ходит по комнате, сложивши руки, и что-то бормочет про себя. Относится это к концу 80-х годов. Да где же дух в человеке? — недоумевала я. Во мне пошатнулись все привычные взгляды и верования. Соловьев старался объяснить мне, как надо понимать подобные случаи, — и я начала справляться со своими недоумениями. Душа и ум — говорил Соловьев — две разные вещи. Душа вселяется в человека телесного; ум — это инструмент, служащий для общения человека с человеком. Когда душа уходит, телесная оболочка постепенно разрушается; портится и тот инструмент, который мы называем умом... На таком истолковании сходились два антипода: мистически верующий Соловьев и реалистически отрицающий Л. Толстой... После тяжелой болезни Толстого спрашивали, верит ли он в личное бессмертие. Он отвечал: «Я верю в вечность духа, который вернется к Богу; но если бы я верил, что я, Толстой, со всею грязью отойду туда, я бы с ума сошел». А Соловьев верил и в личное бессмертие. Потом, под конец, Толстой, в разговоре со мной, к вопросу о личном бессмертии высказался так: «Не знаю, не знаю; но Отец знает, что нужно, и я отдаюсь в Его руки». <...>

Знакомство мое с гр. Л. Н. Толстым относится к первой половине 80-х годов. Чуть совсем не стала толстовкой. <...> В 1887 г. я проделала, по настоянию Толстого, опыт «опрощения». Опыт вышел неудачный. <...> Одолели меня калики перехожие — толстовцы с жестянками (упрощенная кухня), грязь, дурные запахи, разная нескладица и т. д. Все ученики Толстого — слабые люди, один слабее другого. Черткова я не любила — эгоист и доктринер. Да и вообще судить о Толстом по одним толстовцам и толстовкам не следует. Недаром граф. С. А. Толстая говарива-

ла: «Толстой даже на судне барин». <...> В последний раз была я в Ясной Поляне в 1903 году; тут происходил упомянутый раньше разговор о загробной жизни. Под конец жилось Толстому в Ясной Поляне крайне тяжело. Семейные терзали этого человека. Каково, например, было ему видеть жену и сыновей шарящими ночью в его письменном столе! Вероятно, желали захватить и сберечь все, что он пишет. Ему и раньше хотелось уйти, чтобы совсем «опроститься», но он, вплоть до последнего лета, удерживался от окончательного решения, ибо это было бы эгоистично в отношении семьи. Граф. С. А. Толстая была в общем очень милая и хорошая женщина, но у нее был один большой недостаток: нет контроля на язык, слова слетали у нее с языка без удержки; нельзя же все говорить, особенно детям. Осуждала отца при детях. Между тем сама — идеальная жена и мать, работающая, заботливая. Любила подчеркнуть свою роль в писательском творчестве мужа. Она, как известно, урожденная Берс. В Берсах есть, несомненно, еврейская кровь⁹. К Черткову она ревновала Толстого как-то физически, тому следовало бы удалиться — он поступал не по-христиански. Впрочем, странное отношение в мужу — ревность к Черткову — еще можно извинить, но алчность, травлю из-за денег извинить нельзя. В этой травле мне чудится что-то специфическое. Вместе с матерью участвовал в травле и сын Андрюша. <...> Вообще, в детях гр. Л. Н. Толстого я глубоко разочаровалась; много обещал сын Лев, но и из него ничего серьезного не вышло. Еврейства своего происхождения граф. С. А. Толстая нисколько не скрывала. детей своих она прямо называла «полукровками». Берс-отец был дворцовым доктором. Все знали, что семья его не без еврейства. В Соловьеве — по крови — ничего еврейского не было; симпатии его к еврейству чисто идейные. Знакомство Соловьева с Толстым началось после возвращения Владимира Сергеевича после его первой заграничной поездки. Соловьев дружил с Фетом; через него он и сблизился было с Толстым. При спорах с Соловьевым Толстой вспыхнет, накинет пальто и уйдет. Значит, Соловьев разбил его своей аргументацией и эрудицией. Верховный Судья решит, которая из этих двух душ лучше. Граф. Н. М. Соллогуб называла Соловьева хрустальной душой... Толстой — завистливый, злобно-насмешливый (*malicieux*¹⁰), за исключением 5—6 лет жизни. Толстого можно было бы назвать и сердитым по натуре; но я застала его уже в конце его работы над самим собою. <...>

У Толстого доброта благоприобретенная, от успешной внутренней гимнастики. У Соловьева доброта более прирожденная; впрочем, в нем была и некоторая суровость, сентиментальностью он

отнюдь не отличался. Дружба Толстого окрашивалась в более горячие тона, чем дружба Соловьева. Могло даже казаться, что вполне задушевных друзей у Соловьева нет. Я была как-то дубликатом трех увлечений Соловьева — граф. Н. М. Соллогуб, княг. Е. К. Вяземской, С. М. Мартыновой; это могло бы расположить его к особой интимности, но с Толстым я была дружнее, чем с Соловьевым. По своим природным свойствам Толстой — человек очень страстный; вся страстность его ушла, впрочем, на жену. И она была женщина страстная. Толстой ненавидел вторжение в чужую семейную жизнь. В Толстом было так драгоценно то, что он никакими дамами не увлекался. Нехорошо, однако, отношение его к Тургеневу из-за Виардо. Половые увлечения Толстого в молодости имели обычный, как бы «нормальный» характер. Жизнь была в нем через край. Дал выход страстности — и успокоился, стал свободен. Люди вроде Достоевского, Соловьева — нечто другое. По-видимому, тут дело не обходилось без какого-то пережевывания страстности, без некоторой, хотя бы и мучительной, уступки нечистым образам, без вольного или невольного вплетения дурных помыслов в обиходную жизнь. Мне чудится, что в Соловьеве было что-то женское, была бесполость насильственная или, может быть, бесполость поневоле, в зависимости от особенности телесной организации... Уклон Соловьева в сторону чувственности — всячески им осуждаемой, но все же по временам удручавшей или даже побеждавшей его, — стал мне резче бросаться в глаза, когда я ближе познакомилась с Толстым. Тут ведь была, пожалуй, другая крайность — чрезмерный ригоризм. Толстой из всего выводил закон, все подводил под закон. Всякую романтику он клеймил даже слишком строго. Нельзя же требовать, чтобы люди при половом сближении имели в виду только продолжение человеческого рода. Разве в самом деле человек не имеет права обставлять свою половую любовь всякого рода романтическими украшениями? Романтика и чувственность, как они ни родственны между собой, все таки не одно и то же. У Соловьева была, мне думается, не одна романтика, но и чувственность, с которой ему приходилось бороться... Мне случилось наблюдать Соловьева в состоянии большого любовного возбуждения. Природу не поборешь, не обманешь. Человек этот жил наперекор природе, да еще в самые горячие годы. С самым сильным стремлением к духовному сочеталось нечто противоположное... У Соловьева было заметно тяготение к женщинам так называемого высшего круга. Досужее, сытое, перекормленное сословие создало наисовершеннейший тип Далилы. Человек тонкого душевного склада особенно склонен поддаваться умствен-

ному «*charme*'у»¹¹. На мой взгляд, Соловьев — отчасти переразвитая, отчасти недоразвитая натура... Замечательно, что у Толстого чарующих, обольстительных, неудержимо влекущих к себе женских образов почти нет; по крайней мере, я не нахожу в его произведениях прелестниц *par excellence*¹². Полагаю, что долготелее сожителство с женщиной такого в основе своей «литературного типа», как граф. Софья Андреевна, осталось в этом случае не без влияния на Толстого... Подстать прочему я полагала у Соловьева какое-то нездоровое отношение к деторождению. Беременная женщина производила на него неприятное впечатление. Это странно. Мне кажется, Соловьев не проходил через настоящую любовную драму, и это было к ущербу для него... Толстой стремился овладеть своей страстностью и достичь чистоты — правда, в годы уже немолодые. К преодолению страстности направлял свои усилия и Соловьев; но для него остались характерными слова граф. Н. М. Соллогуб: «*Mysticisme et sensualité...*»¹³, правда, он и не дожил до лет преклонных. — К винопитию Соловьев относился несколько легко. Впрочем, тут большую роль играла кружковщина. Воскресные ужины у Петровских¹⁴, например, без возлияний не обходились; в этих возлияниях участвовали и Соловьев, и Л. М. Лопатин. Мяса Соловьев не ел — ввиду целомудренных целей, непонятным образом он забывал, однако, про апостольские слова, относящиеся до вина¹⁵. А вино влияло и на его телесное здоровье; у него часто случались истощавшие его желудочные расстройства. У Соловьева как-то вышло так, что религия имеет мало общего с искоренением личных слабостей. В этом отношении гр. Л. Н. Толстой резко отличался от Соловьева. Толстой старался осуществлять свою религию в каждую минуту своей жизни, во всем своем личном обиходе; он уделял много внимания личной духовной кухне. По Соловьеву — спасает постоянно повторяющееся покаяние. Должна, однако, прибавить, что до полного опьянения Соловьев не доводил себя: мог иногда выпить довольно много, но на голову это не влияло. Отношение Соловьева к Толстому мне не совсем понятно. Почему Соловьев проявлял в этом случае такую византийскую узкость? «Три разговора», с нападка на Толстого, я не люблю. Вообще, Толстой менее нападал на Соловьева, чем Соловьев на Толстого. Это напрасно — ведь всякая душа имеет свой прямой путь к Создателю. Впрочем, Толстой может быть, и ошибался, передавая без разбора все свои писания в печать... В конце 70-х годов обычную по тогдашним временам дань спиритизму уплатила и я. <...> Возня со спиритизмом очень расстраивала мне нервы <...> Занятия спиритизмом плохо влияли и на Соловье-

ва. Впрочем, он участвовал в спиритических сеансах главным образом до поездки за границу; потом он поотстал. О своих видениях, и в частности о «трех свиданиях», он мне ничего не рассказывал. Отрицательное отношение Толстого к спиритизму общеизвестно. Религиозные верования Соловьева я не могу назвать иначе как дивными. Как в прошлых веках и в настоящем веке, так и в грядущих веках все пребывало, пребывает и будет под кровом Логоса — от травки до человека. Лишь в ранние годы, в переходном возрасте, могли быть у Соловьева религиозные сомнения и колебания. Крестному знамени придавал он особенное значение; крестился он истово, с нарочитой демонстративностью. «Даже в таких сравнительно малых вещах я боюсь, чтобы не показалось, будто я могу постыдиться моего Христа». В церкви, у обедни, Соловьев бывал, сколько знаю, редко. Зависело все это больше от своеобразного распорядка его жизни — работы по ночам и позднего вставания утром. Впрочем, не подлежит сомнению, что он все-таки посещал общественные богослужения и что к таковым он относился с решительной серьезностью. Других в церковь Соловьев не звал — во что бы то ни стало. Он говорил, что имеются различные проявления религиозного настроения и что, например, его отношение к храму не может быть точно таким же, как у какой-нибудь простой бабы. «Для меня, — заявлял он, — всякий храм есть храм. И в мусульманскую мечеть я вхожу с благоговением». Довольно часто заглядывал он в церкви католические. Тем не менее княг. Прасковья Владимировна Трубецкая, жена князя С. Н. Трубецкого, не раз свидетельствовала, что Соловьев и исповедовался, и причащался перед смертью по православному обряду и что вообще он был искреннейшим православным. Если бы ему суждено было прожить еще с десяток лет, то, по всей вероятности, он дошел бы до типа более церковного в русско-бытовом смысле. Но дойти до веры простолюдинки он вряд ли бы мог, едва ли бы когда-нибудь успел... Разговоров об исповеди у меня с Соловьевым не было. Знаю только, что он признавал высокое значение духовника у католиков. Духовная власть пастыря — дело очень важное; она очень нужна, чтобы овцы не ушли от Бога. Все протестантское в близкой мне среде — с бабушкой во главе — протестовало, конечно, против такого взгляда. Семью Соловьевых я мало знала. Кажется, одна из дочерей С. М. Соловьева была не совсем нормальным человеком. Из друзей Соловьева всего ближе моему сердцу Л. М. Лопатин. <...> Неравнодушный к вину, он был и страстным курильщиком: нельзя было долго усидеть в его комнате из-за табачного дыма. Вот по части курения Соловьев вовсе

не грешил. Что касается винопития, то ни Лопатин, ни Соловьев в одиночку не пили; они употребляли вино «социальбельно». Пить для питья они не умели. Кн. Д. Н. Цертелев много уступал Соловьеву по природным дарованиям; тем не менее он, при всей приязни к Соловьеву, не чужд был стремлению соперничать с ним. Соловьев, в свою очередь, относился к кн. Д. Н. Цертелеву немножко сверху вниз. Кн. Алексей Николаевич Цертелев, как и многие другие, увлекался граф. Н. М. Соллогуб; уверяли, что это отразилось даже неблагоприятным образом на его здоровье. Неудивительно, что вследствие этого кн. Д. Н. Цертелев был восстановлен против моей приятельницы. Прибавлю, кстати, что отрицательные нравственные свойства в дамах влияли на Соловьева, кажется, сравнительно мало. — Близких личных отношений с М. Н. Катковым у Соловьева, по-видимому, никогда не было, хотя он и пользовался в молодые годы услугами «Русского вестника». Соловьев не был человеком самодержавного типа в духе Каткова. — На прощанье с Соловьевым вот маленький эпизод. Раз как-то я не могла пойти в церковь к богослужению на Новый год. Пригласили ко мне посидеть Соловьева. Он пришел, и мы... промолчали целый час. Изредка Соловьев пугал: кто-то будто бы пробежал. Так было хорошо... <...>

